

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА
ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ**

2020-2021 уч. г.

**МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП**

11 КЛАСС

Задание 1. Творческое задание

Напишите полемическую статью, в которой подтвердите или опровергните утверждение критика Надеждина Л.А., что роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» является художественной вершиной столетия?

Используя фрагмент литературоведческой статьи Л.А. Надеждина «Художественные итоги столетия: Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго», обоснуйте свою позицию по вопросу, связанному с оценкой места романа Б. Пастернака в литературном процессе XX века.

NB. Особенность структуры полемической статьи заключается в том, что в ней вы, с одной стороны, подбираете аргументы, чтобы убедительно доказать свою точку зрения, с другой стороны, опровергаете позицию (или не во всём соглашаетесь с точкой зрения автора статьи).

«Художественные итоги столетия:

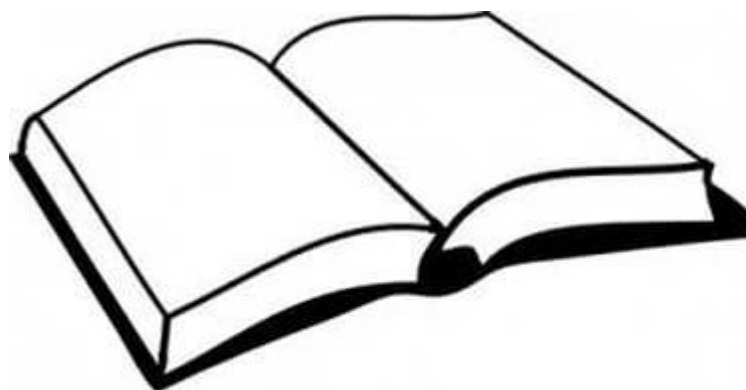
Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго» (фрагмент статьи)

Л.А. Надеждин

Подводя некоторые итоги миновавшего столетия, следует назвать имена выдающихся мастеров слова, которые художественно воплотили мистирию исторического преобразования России. В решении задачи поэтического отображения века двадцатого особое место принадлежит Б.Л.Пастернаку, автору стихов и метафорической прозы.

В романе «Доктор Живаго», который по праву считают «вещим», автор не только подвёл философско-художественные итоги столетия, но и «промыслил» логику дальнейшего развития России.

В концепции его главного романа соединились христианское вероучение и философия жизни, духовно-интеллектуальное переживание, получившее развитие в философии русского ренессанса как интуитивно постигаемая целостная реальность.

На протяжении творческого пути религиозно-философские взгляды автора претерпели изменения. Если в юности они во многом определялись влиянием феноменологии, экзистенциализма, религиозной философии С.Н.Трубецкого, идеями неокантианства, увлечением ницшеанством, то в дальнейшем в понимании мироустройства всё больше места начинают занимать идеи христианского вероучения.

Устами героев даётся оценка всех важнейших исторических событий, ставших испытанием для России: войны, революции, военный коммунизм, НЭП, – Б. Пастернак воспекает Личность. Личность – мерило происходящего, и ею может быть измерен каждый исторический отрезок. Так фигура А.Блока – квинтэссенция дореволюционной России, – равная, по мнению автора, «явлению Рождества во всех областях русской жизни».

Историософская концепция, положенная в основу трактовки событий, разрабатывается Пастернаком в русле философии жизни и освещена заветами христианства. По мнению писателя, в основе устройства миропорядка лежит сила и энергия жизни, которая не может быть осознана, но проявляется через чувства, главное из которых – Любовь. Историю автор понимает как проявление естественного начала единой тождественной жизни: «одна и та же тождественная жизнь. Наполняет вселенную и ежечасно наполняется в неисчислимых сочетаниях и превращениях». Мысли об историческом развитии в романе соотнесены с идеей смерти и возрождения. Жизни временной и жизни вечной.

Отношение к важнейшему историческому событию – революции – меняется у автора от влюблённости к отрицанию и отторжению. Вначале революция сравнивается с блестящей хирургией: «какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы!». Её выразителем станет Маяковский, заговоривший языком страстей, это была «лирика, написанная кем-то» из «бунтующих персонажей, вроде Ипполита, Раскольников или героя «Подростка». Но вскоре «простой, без обиняков приговор вековой несправедливости», обернётся голодом, разрухой, а пламенные слова революции выльются в лозунги, превратятся в болтовню, закрепятся в документах новой власти и станут громкой трескучей фразой, материализуясь в одиозных личностях, вроде старшего Антипова, Тиверзина или Памфила Палых.

Идея свободы и пафос утверждения права свободной Личности на независимость воплощены Б.Пастернаком в образе главного героя Юрия Андреевича Живаго. Автор и герой связаны неразрывными узами и представляют собой единство созерцающего и действующего, как две стороны единой творческой личности. Не случайно Пастернак передоверяет герою свои художественные искания: в молодости Юрий пишет стихи, которые могли бы стать этюдами к большому полотну, которое позже завершит автор.

Юрий Живаго – это христианская личность. Образ главного героя содержит множество аллюзий, указывающих на соотнесённость с вечным образом: это и фамилия, которая представляет часть имени Христа («се человек, сын Бога Живага»), и многие факты биографии (смерть родителей, сиротство, рано проявившийся талант).

Доктор Живаго не только талантливый диагност, способный определить социальные и физиологические болезни, но у него рано обнаруживаются творческие задатки, ему прочат «большую литературную будущность». Размышления об искусстве, религии, человеке, науке, истории свидетельствуют о том, что он неординарный мыслитель, способный к философскому осмыслению мира и его творческому преображению. Изданные в 1929 году книги доктора Живаго имеют несомненное научное значение, а его поэтические тетради, вошедшие в текст романа, дают ему право на бессмертие.

В облике главного героя за внешней неприметностью, наряду с конкретными чертами живого человека, проступают евангельские черты Спасителя. Перенесённые страдания и лишения преобразуют его внешность. В «человеке одичалого вида с котомкой за плечами и палкой», с отросшими волосами, с седеющей «тёмно-русой бородой» проявляются черты, которые сближают Живаго с традиционным изображением библейского мученика.

Ю.Живаго – свидетель и участник драматических событий, происходящих в стране, но в развернувшейся борьбе враждующих сторон он занимает позицию над схваткой. Эта позиция обусловлена не только выбором профессии (по Международной конвенции врач не является участником военных конфликтов), доктор Живаго – рефлектирующая личность в эпоху, которую определяли волевые характеры.

И в этом автор видит не проявление слабости, а внутреннюю силу. Подобно Гамлету (а эти образы перекликаются в романе, и Ю.Живаго в авторской трактовке – Гамлет XX столетия), ему суждено понять и воплотить высший промысел: покоряясь судьбе, остаться верным своему предназначению.

Для сохранения основ живой жизни, которая, по мнению автора, является первоосновой бытия, для изменения истории России, избавления её народа от страданий герой готов на искупительную жертву. Он всматривался в «большой, перемогающийся в несчастьях русский народ, и был готов принести себя в жертву. Чтобы стало лучше, и ничего не мог». Жертвенность

части русской интеллигенции носила искупительный характер в условиях крайней несвободы.

Его вынужденное странничество в контексте романа приобретает глубокий смысл: Москва – Запад, Москва – Восток – Москва – это не только направления передвижения героя, обусловленные жизненными обстоятельствами, – это векторы развития России, которые имеют актуальность в контексте современных исторических событий. Живаго оставляет Москву, мать русских городов, и оказывается призванным на первую империалистическую войну (Запад: Мелюзеево). Спасаясь от голода и холода, вместе с семьёй он снова покидает послереволюционный город и едет на Восток (Варыкино), а потом, потеряв всё: семью, Лару, смысл жизни, вдохновение, – пешком возвращается в Москву.

Образы героинь, близких Живаго, восходят к евангельским архетипам. Жена, «ботичеллиевская «Тоня, пришедшая в этот мир, чтобы «упрощать его», мать его детей, олицетворяет вечный образ матери (Марии). С образом Тони Громеко связана идея непорочного зачатия, которое трактуется автором

как любое материнство, освященное тайной, идеей зарождения, вынашивания новой жизни.

Лара Гишар (Лариса Антипова) – образ, который может быть соотнесён с образом Марии Магдалины, – прошла очистительное искупление после грехопадения, – часть живой, бесценной жизни, дарованной герою. Любовь к Ларе равновелика любви к жизни. Это «дар из рук творца», это «богом созданная белая прелесть». Герои не только едины, но во многом одинаковы. Их разговоры «были полны значения, как Платоновы диалоги». Слова, обращённые к Ларе, это молитва по дарованной и отнятой у него любви, потеря которой равна потери жизни: «Прощай, Лара, до свидания на том свете, прощай, краса моя, прощай, радость моя, бездонная, неисчерпаемая, вечная» .

Внутренний монолог доктора Живаго после окончательного прощания с ней – это плач по возлюбленной, который восходит к Соломоновой Песни песней. «Прелесть моя незабвенная! Пока тебя помнят изгибы локтей моих, пока ещё ты на руках и губах моих, я побуду с тобой».

Прожив странническую жизнь, испив полную меру из чаши страданий, герой умирает, но смертью Ю.Живаго роман не завершается. Свободная Личность, постигающая жизнь, передаёт завет Любви ко всему миру, и это уже носит вневременной характер. Так жизнь героя становится житием. И в этом, как прозорливо отмечено автором, заключается предчувствие «просветления» и «освобождения». Так судьба героя становится «предвестием свободы». Предвосхищение свободы становится точно уловленной автором приметой времени.

Таким образом, поэтика романа «Доктор Живаго», который по праву является вершиной прозы XX века, во многом обусловлена религиозно-философскими взглядами писателя, а мученическая судьба самого автора, подвергнувшегося гонениям на государственном уровне, страдания, пережитые им, включая болезнь и преждевременную смерть, – сделали писательский труд равновеликим подвигу. История публикации, даже долгое непечатанье книги, освятили текст и привнесли в творчество автора очистительное страдание.

Роман, созданный в одну из несвободных эпох, стал не только вызовом всем видам «криводушия» и фарисейства, олицетворяющим страшный порок лжи и приспособленчества, но оказался самым светоносным романом, в котором были воспеты Свободная Личность и служение Красоте.

Критерии оценки и комментарии

Задание требуют навыков аналитической работы с текстом, умения систематизировать, оценивать литературоведческий материал и создавать свою интерпретационную версию. Выполнение задания предполагает включение творческих умений по оставлению текста полемической статьи (мнения, эссе, высказывания, заметки) на основании выявления смыслового содержания текста романа Б.Пастернака «Доктор Живаго», умения обосновать свою позицию, подтверждая или опровергая точку зрения автора статьи.

Рекомендуемое количество баллов – **20 баллов**

Распределить их можно следующим образом:

1. Написать текст полемической статьи (эссе, высказывания, заметки) на основании литературно-критической статьи, убедительно обосновать свою точку зрения на роман Б.Пастернака «Доктор Живаго» как на художественную вершину столетия. Умение подбирать аргументы для доказательства тезиса (своей точки зрения). Максимально 10 баллов. 0 – 2 – 4 – 6 – **10 баллов.**

2. Предложить своё оригинальное прочтение романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Максимально 7 – баллов. 0 – 4 – **7 баллов.**

3. Точность, правильность, выразительность речевого оформления. Максимально 3 балла. 0 – 2 – 3 балла.

Наибольшее значение при оценке работы будут иметь целостность высказывания и соответствие жанру полемической статьи, т.е. умение вступить в дискуссию с автором статьи и с помощью точно подобранных аргументов доказать свою точку зрения (аргументации при подтверждении тезиса).

Задание 2 . Аналитическое задание

Произведите целостный анализ поэтического или прозаического текста

Комментарий к заданию

Для выполнения задания выберите прозаическое или поэтическое произведений. Внимательно прочитайте его. Самостоятельно определите методы и приёмы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Путь анализа текста должен привести к раскрытию текста как сложно организованного единства элементов, несущих в себе смысл. Целостный анализ текста не требует полного описания всех структурных уровней (от фонетической стороны до раскрытия интертекстуальных связей), важно раскрыть смысл произведения через значимые аспекты его художественной структуры. Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой цельный, связный завершённый текст.

Критерии оценивания

Максимальный балл за выполнение задания – **70 баллов.**

Рассказ

Осоргин Михаил Андреевич

«Пешка»

Гражданина Убывалова выслушали, выстукали, просветили два врача и один профессор. Снимка ему не показали; на снимке среди бурелома туманных ребер врачам и профессору подмигнула темная клякса. Увидев ее, оба врача боязливо подняли брови, а профессор удовлетворенно кивнул головой, хотя ранее того именно он и сомневался. Было сполна уплачено за картину и консилиум. Врач, постоянно лечивший Убывалова, его старый приятель, плел от смущения и большого огорчения такую милую и трогательную ахиною и так напирал на счастливые случаи, которых не бывает, что обоим стало неловко. После этого они мужественно играли в шахматы, врач проиграл и очень обрадовался: выиграть партию у человека обреченного было бы и неприлично и неприятно. Выйдя из дому, врач до поворота в другую улицу ежился и повторял про себя: "Боже мой, Боже мой, вот бедняга!" - а на повороте вынул платок и вытер искреннюю дружескую

слезу. Из платка выпала костяшка и отчетливо звякнула об асфальт, но он не заметил.

Гражданин Убывалов остался дома вдвоем: он и его близкая смерть. Некоторое время мысль о ней путалась в его представлении с гамбитом Муцио: жертва коня за сильную атаку; они играли по старинке, комбинационно, как играли смелые и непрактичные мастера. С момента, когда черная пешка взяла белого коня, и до самого конца партии Убывалов отодвинул мысль о смерти, слишком огромную и не вмещающуюся в знакомую шахматную комбинацию. Но мысль эта вернулась при очень крепком рукопожатии в передней, когда старый друг, прощаясь, сказал: "Ну, я буду забегать, а ты будь молодцом!" Уложив шахматы в большую коробку, выложенную внутри зеленым бархатом (шахматы были превосходные, очень дорогие, фигурные, слоновой кости), Убывалов хотел включить верхний свет, оставив только лампу на столе,- и внезапно испугался полумрака, который может заселиться тенями. На минуту он замер, потом к груди подкатилась волна небывалого по странности ощущения: стены стали приближаться и отступать, приближаться и отступать, а он попробовал по возможности добродушно улыбнуться и мудро сказать себе: "Ну! Вот и все!", ноги его ослабели и пол зашевелился. А между тем до сих пор он держался так мужественно и разумно, что его приятель, врач, мог уйти в уверенности, что он не понял.

Сев в кресло у стола и пошатываясь,- а может быть, продолжала шататься комната,- он смотрел на книги и портреты, а книги и портреты смотрели на него с тревожным любопытством, не понимая, как же теперь человек соберет свои мысли и что он будет делать в остающееся до близкой смерти время. Было бы много проще, если бы он испытывал очень сильные боли и думал только о них, о том, как и чем их ослабить; но вот сейчас как раз болей не было, только обычное и уже привычное ощущение желудочного недомогания. Перед снимком его заставили съесть манной каши с какой-то дрянью, и приятель настойчиво называл кашу кашкой, как будто от этого все делалось шуточкой и пустячком: "Ты кашки покушаешь, а мы посмотрим, что у тебя там такое приключилось". И он тоже ел кашу с шутливым выражением,- так уж было нужно. Теперь, когда все известно, постепенно начнутся боли, и затем он умрет. Но представить себе все это невозможно, и лучше бы (то есть гораздо проще), чтобы все это оказалось ошибкой.

Одну минуту - только одну минуту - Убывалов думал о том, что, в сущности говоря, так случается рано или поздно с каждым человеком: в какой-то час он оказывается обреченным и понимает это. Особенно, когда ему уже много лет. Ну, прожил бы еще пять, десять, ну - двенадцать лет, а там все равно... Конечно, проще, когда уже не сознаешь ничего от старости или слабости. Но комната опять зашаталась, и портреты уплыли в тумане. Не может быть, чтобы люди перед смертью не сходили с ума. Но раз неминуемо, то как же не думать об этом решительно всегда, во всякую минуту, все равно в старости или в молодые годы. Мы просто только обманываем себя и отмахиваемся от ужасных мыслей. Таким образом, можно считать, что ничего не случилось.

Книги и портреты приняли спокойное положение, Убывалов встал, прошелся по комнате, остановился против зеркала, в котором очень почтенный и очень знакомый человек улыбнулся и произнес губами: "Эх, господа, господа, все это неважно!" Его окружили участливые лица знакомых и друзей, все явно смущенные, и, как это ни страшно, ему же приходилось успокаивать их своей выдержкой. Отходя, он ласково пожимал им руки, как бы говоря глазами: "Ну-ну, знаю, спасибо вам!" - и они смотрели ему вслед с почтительным удивлением. Он вынул было из кармана газету и хотел углубиться в чтение, но это было бы рисовкой. Лучше так, просто, не говоря о себе, расспрашивать, как у них идут дела, как ребятишки, правда ли, что Павел Игнатьич остается в Америке и выписывает туда жену. И он то отходил от зеркала к книжным полкам, то опять возвращался с приветливой улыбкой, радуясь, что стало так хорошо и спокойно. Но верхнего света все-таки не гасил, чтобы не нарушить светлого стиля своего душевного состояния. Мягкий ковер заглушал шаги. Так ходить, бросая беглый взгляд в зеркало, потом на книги, можно было долго, почти вечность, только бы не сделать резкого движения, которое изменит ровный строй мыслей. Он ходил, пока не ощутил слабости в ногах и легкого головокружения, в последние дни довольно обычного. Тогда он стал приучать себя к мысли, что вот сейчас остановится и сядет в кресло, но сделает это плавным движением, как бы выполняя намеченный план. Так он и сделал, медленно опустившись в кресло и сейчас же протянув руку к шахматам. Слоны были с хоботом, подвернутым под передние ноги, ладьи несколько похожи на гондолы, бородатый король обеими руками опирался на меч. Вынимая фигуры одну за другой, он любовался ими, как всегда; в такие шахматы было приятно играть. Если с полной внимательностью и без всякого пристрастия играть за себя и за воображаемого партнера, то игра должна, по-видимому, окончиться вничью? Перед ним сидел доктор. "Ну, сыграем, сыграем",- сказал он вслух и подумал: "Если первыми устанут белые..." Не глядя вынимал из коробки и ставил на поля широкой доски. Белые опережали; потом их стали догонять черные; все фигуры стояли на местах, дело шло только о пешках: с каждой стороны недоставало по три, потом по две. И опять он подумал: "Если первыми устанут белые..." Он вынул пешку белую, потом черную и, когда вынимал решающую, почувствовал в душе холодок. Вышла черная пешка, и черный ряд заполнился. Он опустил в ящик руку за последней пешкой, но ее не оказалось; посмотрел - ящик был пуст. Мелькнула мысль, что, значит, все гаданье неправильно, и мысль, пожалуй, приятная, но нужно было не думать, а начать игру, вообще что-нибудь делать, иначе придет беспокойство. На столе пешки также не было и не было на ковре около стола. Наклоняясь, он почувствовал боль. Все-таки нужно найти пешку. Он встал с неохотой, отодвинул кресло, внимательно осмотрел все кругом, еще раз проверил пешки на доске...

Как-то совсем нелепо пропала белая костяшка, в основании налитая свинцом и подклеенная суконным кружочком. Да и как она могла пропасть, когда только что они играли на этом самом месте в эти самые шахматы? У

каждого человека есть любимые вещи, всегда ему приятные, которыми он особенно дорожит. Всякий раз, как он нагибался, боль давала себя чувствовать, хотя сейчас он менее всего думал о ней. Белая отполированная пешка никуда не могла скрыться; на темном ковре сразу бросилась бы в глаза. Он догадался поискать в сиденье кресла; мелкая вещица может забиться в щель. Искать было неприятно, там были какие-то крошки и пыль, а пешки не было.

Он выдвинул и осмотрел ящик стола, обшарил свои карманы,- хотя с какой же стати... Можно было бы временно заменить недостающую пешку чем угодно монетой, пуговицей, кусочком бумаги. Но мысль его была теперь занята нелепой пропажей и более всего боялась отклониться на другой предмет. Другой предмет был темным, огромным и непреодолимым; к счастью, он отошел далеко, но каждую минуту мог снова выплыть и заглянуть в глаза, под самую черепную коробку, и тогда мужеству конец. Ему очень хотелось пить: эта обычная сухость во рту и дурной вкус, самое утомительное в его болезни, потому что самое постоянное. Мог по рассеянности взять с собой костяшку, когда провожал своего друга, и оставить ее в передней. Не торопясь, боясь быстрых движений, он вышел, убедился, что там нет, и скорее вернулся в ярко освещенную комнату. Он еще никогда не испытывал такой острой к себе жалости и такой обиды: пропала очень ценная вещь, и сама по себе ценная (без пешки шахматы никуда не годятся), и особенно ценная в данный момент, когда он один в своей квартире и приближается ночь. По ночам всякая боль становится острой и гонит сон. Почему именно с ним случилась такая нелепость? Он еще раз обыскал карманы, бормоча: "Не верю я в чудеса и никаких чудес не хочу!" Если бы пальцы его наткнулись на полированную костяшку, он был бы, пожалуй, счастлив; со стороны судьбы это было бы маленьким одолжением, которое он, именно он и именно сегодня во всяком случае, заслуживает. Руки его опустились, и отчаянье, молчаливо поджидавшее в затененном уголке комнаты, начало подползать на вкрадчивых лапках. Нужды нет, что все происходит из-за такого, в сущности говоря, пустяка. Будет забегать доктор, будут забегать немногие друзья, будут смущенно топтаться и искать предлог поскорее уйти. В том магазине, где шахматы куплены, найдутся, может быть, запасные пешки, хотя это - художественная работа, а не какая-нибудь шаблонщина, какую везде найдешь. Мучительнее всего, что заказать нельзя, стыдно и смешно; скажут: "Будет готово через месяц". Спросить завтра доктора: "Стоит заказывать, если через месяц?" Он заморгает, станет неудачно шутить: "Возьми у меня вперед пешку, вот тебе и все!" Как это получается глупо... Останутся книги, останутся портреты, никому решительно не нужные, останутся письма, если их не сжечь.

Гражданин Убывалов поморщился от боли. Обычно в это время он принимал капли и ложился спать. Доктор не сказал, принимать ли капли и дальше или это безразлично. Завтра скажу ему: "Слушай, я ведь отлично понимаю..." Потом сядем играть; нужно будет начать какой-нибудь нескончаемый матч, партий в сто, если успеется. Разыграем гамбит Эванса,

всегда получается интересно. Убывалов протянул руку, чтобы сделать ход, и увидел, что нет белой пешки.

Но ведь куда-нибудь... где-нибудь она должна быть! В спальню я не заходил. Или заходил? Он отчетливо помнил, что выходил только в переднюю. Пешка могла упасть и закатиться под диван, и это вернее всего, как было не догадаться сразу! Он встал со внезапно нахлынувшей надеждой и радостью. Если найдется, то все сразу станет чудесно! Диван тяжелый, и сдвинуть его трудно, особенно при этой боли. Но и так, может быть, найдется, если пошарить под диваном чем-нибудь длинным, линейкой, палкой.

Линейка стукнула и покатила легкий предмет. Была только одна секунда, и эта секунда была, во всяком случае, самой счастливой за все его существование, начиная с того времени, как два врача и профессор рассматривали туманную картину и кончая последними, полусознательными, минутами, когда мученья тела убивались морфием. Но линейка извлекла только упавший за диван прокуренный мундштук приятеля-доктора. В неудобном наклонном положении, стоя на коленях и заглядывая под диван, Убывалов довольно остро чувствовал боль, но не хотел отказаться от мысли найти пропавшую костяшку. От ковра пахло пылью. Больше ничего под диваном не было. Тогда он, не разгибаясь, прополз от дивана к книжному шкапу, хотя знал, что под ним нет щели и закатиться ничто не могло. Откуда-то попал на ковер гвоздик, о который больно накололась коленка. Убывалов поморщился, потер коленку и увидел над собой все те же портреты и книги; на темных корешках книг были вытиснены надписи, и все это давно потеряло смысл и прежнее значение. Отчаяние, так долго сторожившее в затемненном углу, решило наконец окончательно выползти на свет и напасть на человека, находившегося в такой смешной и неудобной для защиты позе. Из мягких ласковых лапок оно выпустило когти, впились человеку в грудь и начало потихоньку ее раздирать. Это не сопровождалось никакой особенной болью, кроме обычной, но мысль человека резко оторвалась от белой костяшки и стала тупо ударяться в стены, в ковер, в потолок и в пустой череп. Шахматы спутались, стало невозможным следить за игрой, проигранной при всех условиях, в любой комбинации. И хотя человек, привыкший владеть собой, мог бы еще подняться, подойти к зеркалу и шутливо и печально поговорить со знакомыми, но это было ни к чему, и он, оставшись сидеть на ковре посреди комнаты, наклонил голову скрещенными пальцами и стал, покачиваясь, вглядываться в семью бронзовых зайчиков, прыгавших под его опущенными веками.

Примечания

Михаил Андреевич Осоргин (1878-1942) – писатель, автор романов, повестей и рассказов, эмигрант первой волны. За благородство характера его называли «последним рыцарем ордена русской интеллигенции». Писатель был знатоком итальянского футуризма. В поэтике Осоргина уравниваются великое и ничтожное, частное и личное возводятся автором во всеобщее,

объединяющее всех. Бытие мира определяется Осоргиным как таинственная, безличная ивнеморальная игра космологических и биологических сил.

Опорные вопросы

- 1) Какое значение имеет название рассказа «Пешка» с учётом семантической наполненности лексемы (прямое и переносное значение понятия)?
- 2) Можно ли считать фамилию главного героя Убывалов – говорящей фамилией?
- 3) Какую роль в рассказе имеют детали: клякса на снимке и утерянная пешка?
- 4) Как в рассказе раскрывается мотив смерти?
- 5) Какое значение в рассказе приобретает игра?
- 6) Какие очертания приобретает внешний мир, привычные предметы Дома Убывалова?
- 7) Как можно прокомментировать концовку рассказа?

Стихотворение

Н. Гумилёв

«В оный день, когда над миром новым...»

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это - Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.
1921г.

Примечания

Гумилёв Николай Степанович-(1886-1921г.)

Русский поэт Серебряного века, основоположник акмеизма. В поэзии Гумилёва значительное место занимает апология волевого начала, «сильной личности». Гумилёв проповедует верность «нашей планете, сильной, весёлой и злой», призывает «оздоровить» современную цивилизацию, ориентируясь на человека «без предрассудков» - жёсткого и храброго воина. Выраженная в некоторых его стихах мечта о «подвиге» и «геройстве» получила выражение в волевом напоре интонации.

Опорные вопросы

1. В каком пространстве совершаются события?
2. Какую роль в космическом и поднебесном мире играло слово и число?
3. Какие средствами поэт предаёт величие слова?
4. Роль звука и числа в подлунном мире ?
5. Какое значение имеет зашифрованной легенде о смерти Архимеда в стихотворении?
6. Что сближает Архимеда и лирического героя стихотворения?
7. Что произошло со словом?
8. Слово живое и слово мёртвое, что их отличает?
9. Какое значение имеет форма краткого прилагательного «осиянно»?
10. В чём источник животворящей силы слова?